

***Муктан Агнесса Валентиновна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

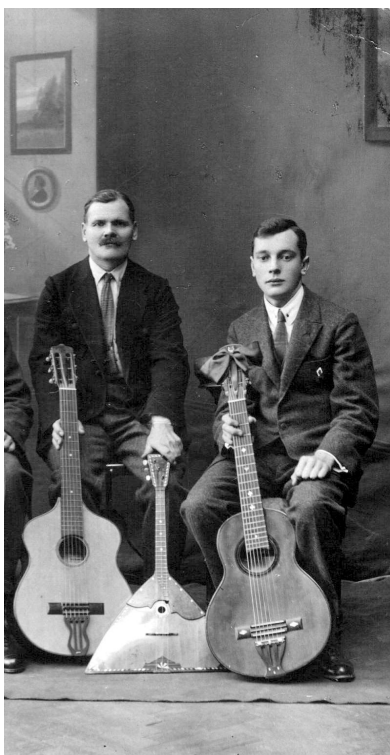
Я, Муктан Агнесса Валентиновна родилась 14 июня 1938 г. Вся моя семья, кроме мамы, погибла в годы блокады. Мои воспоминания посвящены памяти моих родных и близких мне людей.

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО.

14. 06. 41. мне исполнилось 3 года, а через неделю в мою и жизнь моей семьи ворвалась война. В памяти моей остались отдельные моменты того страшного времени. Всё остальное я воспринимала уже со слов мамы, передавшей мне свои яркие воспоминания о пережитой нами блокаде. Из всей нашей большой семьи после блокады мы остались с мамой вдвоём. Вся тяжесть военного и послевоенного лихолетия легла на плечи мамы, оставшейся в 30 летнем возрасте вдовой и всю свою жизнь посвятившей моему воспитанию, благополучию и умершей в возрасте 60 лет очень больным человеком.

Другим источником, пополнившим мои воспоминания о блокаде послужил Российский Государственный исторический архив РГИА (б. ЦГИА), в котором я проработала 47 лет. РГИА – один из крупнейших Архивов страны, только что отметивший своё 300 летие, хранит документы по истории России XVIII- начала XX в.в. Придя на работу в Архив после окончания истфака Университета, я ещё застала сотрудников, делившихся со мной своими воспоминаниями. А по прошествии десятка лет, я сама прикоснулась к документам Архива, отражающим его деятельность в годы блокады.

Семья наша состояла из 6 человек и проживала в квартире на Петроградской стороне. Дедушка и папа были музыкальными мастерами, работали на фабрике музыкальных инструментов. А, дома они производили очень качественный ремонт щипковых инструментов (гитар, балалаек). Дома до сих пор хранится очень красивая балалайка, сделанная руками отца.

До войны время было страшное. Один из наших родственников был репрессирован и вся наша семья просто холодела от всякого неожиданного звонка в дверь – ждали, что придут и за нами.

В июне 1941 г. мы с бабушкой жили на даче во Всеволожске. Неожиданно за нами приехал папа, чтобы увезти нас в город. Немецкие самолёты появились над городом уже в первые дни войны. Транспортные средства были переполнены обезумевшими от страха людьми. Слышались крики, плач, из уст в уста передавалось страшное слово ВОЙНА - все стремились вернуться в город к своим семьям. В поезд было ни сесть. Люди залезали на крыши вагонов и гроздьями висели на подножках поезда. Папа привязал меня за спину простынями, верёвками, и почти на весу, держась одной рукой за поручень вагона, мы вернулись в город. Бабушка вернулась позже. В памяти сохранились аэростаты - заградители, как

воздушные шары висевшие над городом, дальние разрывы снарядов, когда звенела посуда. Окна закрыли светонепроницаемыми шторами и заклеили крест на крест газетой. Следы от клея ещё долго, уже после войны, невозможно было отмыть никакими силами. От необычности обстановки мне было страшно, я плакала, пряталась по углам, но потом привыкла. Папа вскоре ушёл на фронт и уже не вернулся. Я его совсем не помню. В свободное от работы время мама и все квартиросъёмщики нашего дома ходили очищать чердаки от всякого хлама, чтобы была возможность пробираться на крышу, куда падали «зажигалки». Добровольцы - пожарники, дежурившие на крыше, большими железными щипцами хватили зажигательную бомбу и бросали её в ящик с песком, чтобы избежать пожара. Маму посылали рыть траншеи в пригород Ленинграда. Во время работы они часто попадали под обстрел немцев. Тогда все бросались на землю и молча лежали не двигаясь, не редко более часа, пока длился обстрел. Немецкие самолеты пикировали совсем низко над их головами. К сентябрю город был полностью блокирован с суши. Чем ближе к Ленинграду продвигались немцы, тем чаще объявлялась воздушная тревога, иногда до 10 раз в день, часто ночью. В сентябре первый чудовищной силы массовый налет на жилые и промышленные объекты произвел впечатление вселенской катастрофы. От прямого попадания крупнокалиберного снаряда серьезно пострадало здание РГИА. Архив размещался на пл. Декабристов в исторических зданиях Сената, Синода и особняка гр. Лаваль. Разбиты были несколько архивохранилищ, прекрасная лестница Тома де Тамона, вылетели все стёкла, начался пожар. В результате пожара погибли или частично пострадали несколько десятков архивных фондов.

До 50-х годов Архив был в ведении МВД и являлся стратегически важным объектом, поэтому с первых дней войны все сотрудники Архива были брошены на спасение документов. Полки Архива, если бы их возможно было вытянуть в одну линию, покрыли бы расстояние от Спб. до Зеленогорска. Такое огромное количество документов необходимо было эвакуировать. Часть документов успели вывезти в г. Чкалов, остальные остались стоять на полках, другие упакованные в связки, складировались в помещениях. Ни смерть старейших специалистов в первую блокадную зиму, ни голод, ни холод, ни постоянные обстрелы и бомбардировки не заставили Архив прекратить свою деятельность. Оставшиеся в живых архивисты оставались на своём посту и делали всё возможное для спасения Архива. Архивисты находились на казарменном положении, жили в бомбоубежище в полуподвальном помещении. Бомбоубежище, оно же общежитие, делилось на мужское и женское. Дольше, чем в городе, там было электричество, топилась плита (дрова были заготовлены ранее). На плите кипятили воду, подсушивали маленькими кусочками сырой липкий блокадный хлеб, который в подсушенном виде дольше сохранял вкус и запах хлеба. Архивистов содержали на довольствии – им выдавали готовые обеды. Первое блюдо - суп состоял из воды, в которой плавали 2-3 макароны. Счастьем была мучная каша из ржаной муки. Отвар из сосновой и еловой хвои, который входил в рацион сыграл большую роль в борьбе с цингой. Проведённое в бомбоубежище время многие сотрудники вспоминали с нежностью из за царившего там чувства общности, коллективизма.

Петроградский район, где сосредоточены памятники архитектуры и истории обстреливался наиболее часто и интенсивней. Наш дом находился в самом центре города, недалеко от Петропавловской крепости, которая была одним из объектов обстрела. Запомнились «прыжки» дома вверх и вниз при падении поблизости бомб. Когда объявлялась тревога все бежали в бомбоубежище. «Трясение» дома чувствовалось и там. Позже, когда люди привыкли к бомбёжкам, ослабли духом и телом, они оставались равнодушными к тревогам и обстрелам. Уже встречали их спокойно и не стремились укрыться. Мама рассказывала, что часто появлялось паническое настроение - лучше умереть под развалинами сразу, чем долго умирать с голоду. Однажды я услышала, что при обстреле в зоопарке погиб слон. Мне было бесконечно жаль слона. Я без конца приставала к маме с вопросом, почему его не спрятали в бомбоубежище. От одной из серьёзных бомбёжек сгорели Бадаевские склады, где хранилось продовольствие города. Они находились в районе Московских ворот, но дым от пожара был виден даже на нашей Петроградской стороне. Плавился, оглушительно трещал, поднимая чёрные столбы дыма горящий сахар, рвались бочки с растительным маслом. Пока ходили трамваи, многие жители города в т. ч. и моя бабушка ездили туда и подбирали всё что возможно было подобрать - муку, крупу, оплавленный сахар. После пожара складов голод начал серьёзно стучаться в квартиры ленинградцев. Бывали дни, когда немецкие орудия били по городу почти без перерыва, налёты сопровождались артобстрелами. Зарева пожаров поднимались в разных частях города. На Неве напротив здания Архива стоял морской крейсер и ещё какой-то огромный корабль, которые вели ответный огонь по самолетам, появлявшимся в небе. Великие испытания для города начались ближе к осени 41 -го. Немцы прорвали все рубежи обороны, ни одна железная дорога не связывала город со страной. На улицах и набережных устраивали блиндажи и пулемётные гнёзда. Сократилась норма выдачи хлеба. Дома ввели строжайшую экономию. Собирали и ели картофельные очистки, почитая их за великое лакомство. Где то доставали дуранду – корм для скота. Вкус её я помню до сих пор – мне она очень нравилась. Когда подъели все продуктовые остатки, перешли на столярный клей. Клея в доме было достаточное количество, он необходим был для ремонта музыкальных инструментов в мирное время. Из клея варили: кисель, суп, заправляя его крошками или корочкой хлеба. Получалась т. н. «затируха». Варили ещё «экзотический» суп. Плитку клея заливали водой, кипятили мин. 15-20, сдабривали

его пряностями: перцем, лавровым листом, корицей, гвоздикой пока они ещё были в доме. Если воды в клей добавляли мало, получался студень. Пытались жарить картофельные очистки на машинном масле (бабушка шила - была портниха). Если случилось найти лебеду, сурепку, крапиву, сныть траву – это был салат.

Когда к ноябрю порцию хлеба похожего на подобие замазки уменьшили до 125 гр, встал вопрос: как поступить с нашим котом Барсиком, который сам умирал от голода. В городе уже ходили слухи о том, что появились людоеды, что съедают домашних животных.

Мама не однажды видела на улицах трупы, у которых были вырезаны мягкие части тела. На наше счастье однажды к нам на несколько часов забежал наш родственник, который нёс военную службу под Ленинградом. Поскольку ни один из членов нашей семьи, не смотря на голод, не мог пойти на убийство кота, это благополучно сделал наш родственник. В доме был праздник – из Барсика сварили суп и сделали котлеты. Ели Барсика недели 2, несколько раз вываривая уже неоднократно вываренные кости. Мне объяснили, что Барсик сбежал. Одна из сотрудниц Архива рассказывала мне свою историю. Она взяла у уборщицы умирающую собаку, обещая содержать её в лучших условиях. Но обманула! Поскольку её семья умирала от голода, она задушила собаку верёвочной петлёй через дверь, чтобы не видеть мучений собаки. Голод – это когда дико хочется есть, и он становится всё сильнее, всё мучительнее, человек теряет чувство реальности, делается жестоким. Первым, в октябре, умер дедушка, живший отдельно от нас. Его удалось ещё своими силами похоронить на Серафимовском кладбище. Чем ближе подходили к кладбищу всё чаще встречались еле бредущие люди со своей тяжёлой поклажей на санках. Рассказывали, что достать гроб было проблематично. Поэтому умерших возили на санках. И зрелище это было ужасно! Спина трупа лежала на санках, голова запрокинута и волочится по снегу. Для ног места на санках не хватало и они катились прямо по дороге. В конце года начались перебои с продуктами. У магазинов и ларьков стояли молчаливые очереди, которые ждали не привезут ли чего. Иногда так и не дождавшись уходили. На магазинах появились объявления: «Свету нету, Товару нету. Магазин не торгует». Деньги потеряли всякое значение. Просили только хлеб, сахар, масло. Карточка на продовольствие была дороже

всяких денег и, в буквальном смысле слова, утрата её стоила для многих жизни. Мама несколько раз встречала в страшной истерике несчастных людей, у которых украли карточки. Всё чаще на улицах появлялись штабеля не погребённых трупов. Когда у людей не было сил по-христиански похоронить своих близких, их бросали на пустынную улицу, где специальные люди подбирали их и складировали штабелями. У маминой сестры к началу войны было трое детей от 3 лет до семи месяцев. Зимой 41 г. умерла 7 месячная Ирочка. Её закопали (вернее чуть присыпали) прямо во дворе дома по Ладейнопольской ул., где они жили. Пока был керосин, пользовались керосиновой лампой, позже коптилкой. Источник света коптилки, запах её наполнял темноту комнат, а его характер зависел от того, чем заправлялась коптилка. В ход шли все горючие жидкости, которые сохранялись в доме: машинное масло, олифа, скипидар, камфарный спирт (у меня часто болели уши). В квартире всё делалось в темноте и на ощупь. День ото дня становилось всё тяжелей. Мы все опухли - это были обтянутые кожей кости. У бабушки от цинги выпали все зубы. Умер дедушка бабушкин муж. От бесконечных обстрелов были разрушены водопроводные коммуникации. В дом перестала поступать вода. Запомнился эпизод поездки за водой с мамой на санках. Мы брали воду из Кронверки у зоопарка – это ближе к дому. По дороге попадались закутанные с головы до ног платками, полушубками и какими-то тряпками полуживые люди. Худоба нашей семьи достигла той степени, что пальто стало висеть мешком и его перетягивали кушаками.

Тяжело приходилось и сотрудникам Архива. За время блокады Архив не прекращал своей работы ни на один день. В помещениях без отопления и освещения, архивисты выполняли правительственные задания. Чем дальше продвигалась география фронта, тем сложнее Архив получал запросы, прежде всего, от фронта: для восстановления разрушенных железнодорожных объектов необходимы были проектные чертежи и продольные профили железных дорог. Для работы эвакуированных на Урал оборонных заводов необходимо было отыскать документы о прежних разработках полезных ископаемых. Работали в валенках и ватниках, от мороза трескались руки и кровоточили. В обязанности архивистов входило дежурство, когда необходимо было обходить все помещения Архива (около трех часов), так же как и граждан города их посылали на рытьё окопов и оборонительных сооружений. Многие еле передвигая ноги от голода читали лекции

на патриотические темы в госпиталях и больницах - поднимали моральный дух солдат. Работал даже Читальный зал, велась научно исследовательская работа. Один раз в 2 недели архивистов водили в баню в отведённое время за 1,5 часа до её открытия. Мужчины и женщины мылись отдельно по полчаса. Баня, находящаяся рядом с нашим домом на Б. Пушкарской не работала. В дальние бани ходить не было сил, кое как мылись дома. В огромной плите на кухне был вделан котёл для воды и кипячения белья. Когда была вода и дрова обтирались (это называлось мылись) тряпочкой смоченной в чуть тёплой воде.

Мы ослабленные с трудом боролись с морозами. Собирались на кухне жгли мебель, книги, чтобы натопить прожорливую плиту. Слегла бабушка. Сил не было подняться с постели. Она умерла в феврале. Её помогли вынести на улицу, где уже обозначался новый штабель трупов. Проели всё, что можно было достать в промен. За золото давали масло, за шубу 1,5 кг. хлеба. Живя без воды, без тепла, без бань, без уборных, а главное без еды под непрерывными бомбёжками – это жесточайшее испытание. Люди вымирали в одиночку и целыми семьями. Наши соседи по лестничной площадке вымерли всей семьёй. Дверь их квартиры была открыта и оттуда часто выходили посторонние люди, вынося всё, что можно было вынести продать или согреться. Однажды мама выбралась на чердак, где были ящики с песком, желая отпилить доски для печки. Нащупав в темноте, как ей казалось доску ящика, она стала пилить её. Пилила долго, выбилась из сил, буквально свалилась рядом с «ящиком» и оказалось, что свалилась на труп, а пилила не доску, а ногу трупа. Кто-то из соседей, обессиленный, не мог вынести труп на улицу и вынес его на чердак. Зима 41-го была не только суровой, но и снежной. Город не убирался, ходили по тропинкам. Я помню трамвай, засыпанный снегом на Б. Пушкарской. Закрывались фабрики, заводы и учреждения. Закрылась и фабрика музыкальных инструментов, где работала мама (ул. Чапаева). От неминуемой смерти нас спасло провидение. Мама нашла на улице вываренную кость неопознанного существа и ещё несколько раз вываривала её. Вспоминала, что вкуснее бульона она за всю жизнь не ела. Маме посчастливилось, она устроилась на работу в детский дом, благодаря чему мы остались живы и позднее с ним эвакуировались.

Наш прекрасный город- город творчества великих зодчих являл собой более чем печальное зрелище. Многие дома стояли с вылетевшими или разбитыми окнами. Я помню дома на ул. Воскова и Л. Чайкиной (б. Гулярная) по соседству с нашим домом разрушенными и зияющими пустотой. Дом на Л. Чайкиной был разбит надвое. Квартира на третьем этаже была снесена наполовину, в ней, свисая одной ногой в пустоту, стоял стол, покрытый скатертью. Скатерть, зацепившаяся за что то ещё долго трепетала на ветру. От многих домов остались одни коробки. Памятники архитектуры были затянuty маскировочным материалом. «Медный всадник» напротив Архива был закрыт фанерной коробкой и забросан мешками с песком. Летом 42 г. сотрудники Архива и жители соседних домов присыпали памятник землёй, а в Александровском саду и на «хвосте коня», как говорили они, посадили огород. В нашем доме взрывной волной были выбиты стекла, дом ходил ходуном, дрожал, как бы проваливался, но устоял. Весной 42 г. стены госпиталя на Б. Пушкарской огласились криками: « Ура!». Раненые и больные, издававшие этот крик, прикинули к окнам. Оказывается, зазвенел и пошёл трамвай, который всю зиму простоял на Б.Пушкарской. Умереть или эвакуироваться- другой альтернативы у нас не было. Весной 42-го. в середине апреля вместе с 82 детским домом Петроградского района мы с мамой эвакуировались в Армению.

Лёд на Ладоге был уже не устойчивый. Дорога мокрая и скользкая со следами буксовавших грузовиков с рытвинами от проходивших здесь ранее машин. Машины шли в цепочку друг за другом, натужно гудели моторы, на наших глазах провалилась под лёд одна из машин вместе с людьми. Ужас сковал нас. Но шофёр резко свернул в сторону, где дорога была ещё не разъезжена. Дорогу для проезда показывали военные с красными флажками. Немецкие самолёты бомбили цепочку машин, наша артиллерия отгоняла их. Нам посчастливилось. Мы выехали. Дальше был поезд, ехали очень долго. Дорога обстреливалась. Часто останавливались, на остановках стояли за кипятком и хлебом. Завшивели. Чуть раньше нас, выехала на материк мамина сестра с двумя малыми детьми: 3 и 1,5 лет. В поезде умер Алёша- 1,5 годовалый. Ночью его вынесли из вагона. На каждой остановке бригады женщин проходили по вагонам и уносили умерших. Моя тётя не знает названия станции, где лежит её сын. На Смоленском лютеранском кладбище стоит памятник детям детского сада, погибших при обстреле на прогулке. Трудно представить, что

испытали матери, хоронившие своих детей. Какая сила духа у русских женщин! Имена 12 архивистов умерших в годы блокады внесены на мемориальную памятную доску РГИА.

В Армении мы встретили День Победы. Для мамы это был день слёз. Вернулись мы обратно в конце 45-го. Город лежал в руинах. На руинах, мы «дворовые» дети любили играть, потому что там находили красивые стёклышки, осколки посуды, мебели. По улицам водили колонны пленных немцев, которые восстанавливали наш город. Они же восстанавливали и Архив- фасад и внутренние помещения. Отношение населения города к ним было не однозначным. Вид их был жалкий, усталый. Многие плевали им в след, выкрикивали проклятия, другие пытались передать кусочек хлеба. Мне тоже было жаль их. Может быть, оттого что они ассоциировались у меня с отцом, чьи дети, так же как и я ждут их дома. Однажды, когда мама вела меня в школу, на нашей улице я увидела двух военных, идущих нам на встречу. На одном из них были брюки с лампасами. Не могу объяснить, что более произвело на меня впечатление: высокий, статный мужчина или лампасы. Тем не менее, я бросилась к нему, обхватила руками его ноги и кричала: «Дяденька, дяденька, будьте моим папой!». Он поднял меня на руки, гладил по голове, что-то говорил маме. Потом поставил меня на землю и мы с мамой обе зарёванные пошли своей дорогой. Мой поступок ввёл мою молодую маму в страшное смущение и краску. Но мне так не доставало отца! Мама до конца своих дней так и осталась верна моему папе.

Трудно было представить себе будущее. Мы остались без квартиры, её заняли чужие люди, без дорогих нам людей. Ещё много испытаний легло на плечи моей незабвенной мамы. Светлая память о ней и моих родных всегда в моём сердце.

7.11.2012-17.12.2012